

СПЕЦИФИКА “РУССКОЙ ВЛАСТИ”, ЕЕ МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ, РИТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И ИНСТИТУТЫ

Н.С. Розов

Ключевые слова: “русская власть”, фреймы, ритуалы, менталитет, институты, национальный характер.

Атрибуты “русской власти” как идеального типа

В последние годы наметился перспективный тренд перехода от преимущественно метафорического описания к концептуализации феномена “русской власти” [Пивоваров, Фурсов 1999] и даже к операционализации, попыткам тестирования теоретических суждений [Пивоваров 2005; 2006; Дубовцев, Розов 2007: 8-23; Олейник 2010: 69-91].

Возьмем в качестве примера статью А.Н.Олейника “Русская власть: конструирование идеального типа” [Олейник 2010]. Автор формулирует следующий ряд основных атрибутов данного типа власти:

- 1) власть, находящая обоснование в себе самой;
- 2) власть как самоцель;
- 3) насильственные техники навязывания воли;
- 4) крайняя асимметричность в распределении прав и обязанностей;
- 5) отсутствие обратных связей¹.

Чего не хватает в концепции “атрибутов русской власти”, так это динамики. От чего зависят эти атрибуты, их большая или меньшая выраженность? В рамках концептуальной схемы А.Н.Олейника на вопросы такого рода ответить затруднительно. Сам идеалтипический подход вряд ли адекватен для решения этих проблем. Необходима иная, более развернутая и включающая динамизм, концептуализация. В ее основу положим представление об относительно устойчивых, когнитивных, ценностных, поведенческих структурах менталитета, а также об интерактивных ритуалах как своего рода “социальных машинах”, в которых ментальные структуры участников формируются, закрепляются, либо разрушаются, заменяются другими.

Фреймы и символы

Фреймы – когнитивные структуры для схематизации опыта, для “определения ситуации” (Дж.Мид, Г.Блумер), т.е. для осмысления явлений социального

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор философского факультета Новосибирского государственного университета. Для связи с автором: nrozov@gmail.com

¹ А.Н.Олейник подтвердил и уточнил эти атрибуты в социологическом исследовании: “Для контент-анализа были использованы результаты двух серий интервью с государственными служащими и экспертами. Серия А включает транскрипты 64-х полуструктурированных качественных интервью, проведенных в 2006–2008 гг. с экспертами и государственными служащими, занимающими должности начальника отдела и директора департамента на региональном и федеральном уровнях. Серия В состоит из транскриптов 43 неструктурированных качественных интервью, проведенных в 2005–2006 гг. с экспертами, бизнесменами и государственными служащими, занимающими должности директора департамента и заместителя министра на федеральном уровне” [Олейник 2010: 82].

окружения через *подведение происходящего под знакомое и привычное*; фреймы обычно не осознаются, а во внешних появлениях варьируют от произнесения общеизвестных максим и поговорок в качестве оснований отношения или действия до словесного истолкования своего или чужого положения и поведения в конкретном случае (М. Минский, Г. Бейтсон, И. Гофман). Динамика задается *рефреймингом* — когда актуальными, используемыми для осмысления происходящего становятся иные (обычно латентные ранее) фреймы.

Символы — принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические и/или идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Коллинз, Ю. Левада, Л. Гудков). Обычно символы так или иначе включены во фреймы.

Конкретные сочетания фреймов и символов (они же когнитивные установки, или установки сознания) включают важнейшие для нашей темы *мировоззренческие установки*, касающиеся отношений к окружающим людям, обществу, стране, государству, политике, жизни и т.д.

Интерактивные ритуалы — основа генезиса и трансформации ментальных структур

Также берем на вооружение две, казалось бы, разномастные и несоместные концепции: *теорию интерактивных ритуалов* [Гофман 2004; Коллинз 2002: гл. 1; Collins 2004] и *теорию оперантного обусловливания (подкрепления)* в классической версии Б.Ф. Скиннера [Скиннер 1986: 60–95].

30

Речь пойдет о значимых для участников *интерактивных ритуалов* — всех эмоционально внушительных взаимодействиях между индивидами в ситуациях “здесь и сейчас”, в результате которых меняются или подкрепляются элементы габитусов участников — их установки сознания, идентичности и поведенческие стереотипы.

Теперь нужно представить такую взаимосвязь фреймов и символов, соответствующих типовых известных и распространенных в России ритуалов, которая объясняла бы феноменологию “русской власти” и в какой-то мере подкреплялась бы социологическими данными и историческими наблюдениями.

Свои и чужие

Фрейм *свои/чужие* универсален для всех этносов и наций, культур и цивилизаций. Для российского менталитета характерна высокая поляризованность в отношении к *чужому*: с одной стороны, наблюдается высокий уровень отвержения, непризнания *чужого*², подозрительность и отчужденность в отношении ко всему, что выходит за пределы *своего* (особенно, ближнего круга — родни и друзей). С другой стороны, многое из *чужого* быстро и эффективно осваивается, если это касается не социальных отношений, а быта, способов деятельности, технологий; многие иноземные идеи присваиваются и сакрализуются, особенно в интеллигентской среде.

² В сравнительном исследовании ценностей по методике Ш.Шварца было показано, что по параметру “Благожелательность” Россия среди европейских стран стоит на одном из последних мест вместе со Словакией, Румынией и русскоязычными жителями Эстонии. То же и для “Универсализма” (принятия чужого) — здесь последние места Россия делит также со Словенией, Болгарией и Кипром [Магун и Руднев 2008].

Кроме того, пренебрежение правами собственности глубинным образом связано с подданнической политической культурой [Пайпс 1993] и массовым равнодушием относительно государственных дел и участия в управлении. Легкость превращения *своих* в *чужих*, а *чужих* во *врагов* связана, с одной стороны, с известной традиционной милитаризованностью российского государства и “милитаризацией повседневности” [Клямкин 2007: 16–22], т.е. конструированием мирной жизни по военному образцу, с другой стороны — с конфликтами относительно ресурсных переделов [Кордонский 2008: 116–117].

Как и везде, фрейм *свои/чужие* поддерживается ритуалами солидарности среди *своих*, обсуждения и осуждения наиболее антагонистичных *чужих*. Для России (и очевидно, не только для нее) характерна особенно выраженная закрытость доступа к этим ритуальным встречам, причем границы заданы социальной иерархией.

Высшие идеалы и выгода

Для россиян характерны жесткое разделение и противопоставление “высоких”, “духовных” идеалов (святынь, ценностей) и “низкой”, “шкурной” выгоды, наживы, слабая способность к их органичному и устойчивому объединению, склонность к полному принятию того или иного полюса и последующим радикальным разочарованиям.

Смысловой полюс выгоды, пользы, “наживы”, как правило, лишен высоких ценностных оснований, что особенно ярко проявилось в современном жаргоне. Здесь “рубят капусту”, “срубают бабло”, “отбивают бабки” и т.п.

Сам этот разрыв обусловлен, главным образом, тем, что высшие идеалы и темы пользы—выгоды являются символами в совершенно различных, почти непересекающихся группах ритуалов.

31

Царь и верховная власть

Высшая властная позиция в России всегда персонифицирована. При этом официальный пост, занимаемый этой персоной, не обязательно является формально и легально высшим, но обычно все знают, “кто Главный”, а когда не знают, это приводит к общей тревожности и неустойчивости политического порядка.

Для широких масс населения верховную власть представляет этот “Главный Царь”, какими бы титулами он ни пользовался. В правящем классе есть свои особенности менталитета, стереотипы, ожидания, фреймы, которые исторически проявляются следующим образом: наряду с частными ветвями власти (законодательная, исполнительная, судебная) и/или профильными ведомствами (приказами, коллегиями, министерствами, наркоматами, агентствами, комитетами) в России, вероятно, не случайно, всегда воспроизводится высшая, верховная власть с неопределенной, вернее, всеобщей и неограниченной юрисдикцией (Царский двор, Императорский двор, Канцелярия Его Величества, ЦК КПСС, Администрация Президента). Эта *высшая власть* не терпит никаких конкурентов и ограничений, что воспринимается большинством как естественный и нормальный порядок вещей³.

³ Детальный исторический анализ этой специфики см. в книге [Пивоваров 2006].

Сдача-раздача и дележ-передел

Таковы главные российские фреймы относительно социального взаимодействия по поводу материальных ресурсов. Первая пара вполне соответствует перераспределительному (редистрибутивному) типу экономики по Й. Шумпетеру и тесным образом связана с ресурсной политикой авторитарного государства⁴.

Дележ (ранее *дуван* как раздел награбленного между казаками, теперь *распил* как раздел бюджетных средств между “своими” инсайдерами) происходит между членами группы, получившей полный контроль над ограниченным ресурсом, а *переделы* — обычная практика не только в крестьянских общинах. Передача властью поместий, земель, заводов и фабрик, корпораций от одних условных владельцев другим также является переделом; борьба за ренту между сословиями, ведомствами, учреждениями — это всегда борьба за передел раздачи. Переделы и раздача — функции и признак “настоящей”, “сильной” власти⁵.

Особенности российских социальных институтов

Ключевыми институтами в России традиционно являются регулятивные, силовые, распределительные [см. Панеях 2010], а также институты взаимной поддержки.

Регулятивные институты разрабатывают и внедряют правила (законы, инструкции, нормы, предписания, стандарты), следят или не следят за их выполнением. Регулирующие правила в России обычно характеризуются гиперпринудительным и запретительным характером, множественностью, противоречивостью, запутанностью и частой сменой. Как известно, “строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения”. Весьма важный момент в этом — резкое расширение “поля деятельности”, административного произвола и возможностей коррупции для чиновников из регулирующих учреждений.

Силовые институты (силовые структуры, силовики) — организации аппарата принуждения, способные и уполномоченные применять физическое насилие, арестовывать, удерживать в неволе и т.п. Для российских силовых ведомств характерны гиперцентрализация, подчинение верховной власти, высокая лояльность к власти (за исключением редких кризисных периодов), закрытость и почти полная независимость от общественного контроля, высокое отчуждение.

Распределяющие институты осуществляют раздачу ресурсов по правилам и нормам, разрабатываемым регулятивными институтами “под страхом насилия, поставляемого силовиками, по правилам, прописанным регуляторами же” [там же]. Соответственно, важными параметрами изменения этих институтов являются не только *объем и “справедливость” раздач* (как бы она ни понималась), но и *уровень монополизма в раздачах*, соответственно, способности влиять на другие институты, на социальную политику, на разные социальные группы. Отстаивание монополии раздач, борьба с такими монополиями — значимый аспект административных конфликтов в российских институтах.

⁴ Относительно России эти идеи развиваются в работах [Кирдина 2005: 75-101; Бессонова 2006; Кордонский 2008; Россия и россияне в новом столетии... 2008].

⁵ “Среди функций сакральной власти заслуживает особого внимания одна: ‘настоящая’, сакральная власть трактуется как ‘поровнитель’ — то есть сила, противостоящая разрушающим традиционный мир процессам имущественной дифференциации. Русское крестьянство далеко не случайно отвернулось от царизма после Столыпинских реформ и пошло за большевиками” [Яковенко 2009: 254].

Институты взаимной поддержки – семьи, соседства, землячества, друзья, сослуживцы, этнические группы. Российские институты такого рода, с одной стороны, играют огромную социальную роль, смягчая пресс государственного принуждения, компенсируя неэффективность государственных служб и социальную разобщенность, с другой стороны, они сами не являются устойчивыми, почти не воспроизводятся при смене поколений, в отличие от традиционных родовых и клановых структур, а также от государственных институтов.

Механизмы ресурсного перераспределения в государственных институтах

Для России со времен Ивана Грозного была характерна гипертрофия централизованного сбора и распределения ресурсов. Гиперцентрализация перераспределения ресурсов напрямую связана с обеспечением лояльности низших уровней к высшим в многочисленных государственных иерархиях (военной, полицейской, территориальной, отраслевой) регулирующих, силовых и распределяющих институтов.

Непреднамеренное следствие таких практик состоит в том, что большая часть территорий, сообществ, частных лиц становятся регулярно получающими в виде своего рода “ренты” назначенную им долю ресурсов, благ соответственно занимаемому положению, но при весьма слабой связи с эффективностью их деятельности [Кордонский 2008]. Даже представления о свободе деформируются: под ней в массовом сознании понимается наличие государственной опеки с соответствующей раздачей бесплатных благ, опеки достаточно надежной, но без лишнего вмешательства.

Взаимосвязь менталитета, ритуалов и институтов

Итак, процессами порождения и трансформации ментальных структур являются интерактивные ритуалы, но сами они проводятся в рамках устойчивых каркасов социальных взаимодействий – институтов. Менталитет, типы ритуалов и институты воспроизводятся в поколениях через механизмы трансляции: социализация, аккультурация, кооптация молодежи и проч. Однако институты не вечны, они разрушаются, существенно трансформируются. Все это происходит в эмоционально напряженных, нередко конфликтных *ритуальных взаимодействиях между носителями тех же воспроизводимых ментальных структур*. Таким образом “три кита” – менталитет, ритуальные практики и институты – подкрепляют друг друга и задают специфику всего социального режима (в аспектах политики, экономики, права, культуры и проч.). Как эта общая схема работает при объяснении специфики “русской власти”?

В системе централизованного перераспределения и широкого распространения должностной и профессиональной ренты главными событиями являются получение нового места с более высокой рентой (нередко включая нелегальную административную, коррупционную ренту), лишение такого места, а также промежуточные знаковые события, дающие надежду на первое или угрожающие вторым. Все эти события и являются ключевыми ритуалами, образующими инвариантное свойство российского менталитета – *рентоискательство*.

Это выражается не только в массовых жизненных стратегиях – занять место, двигаться по карьерной лестнице с надежным обеспечением ренты, но и в

социоинженерных стратегиях создания как государственных учреждений и ведомств, так и общественных организаций. Всякий раз во главу угла ставится не общественная потребность, не эффективность, не конкурентоспособность, а именно стабильное обеспечение — как правило, из государственного бюджета.

Структуры менталитета определяют черты национального характера

Несложно показать, что специфика этих фреймов порождает как слабые, так и сильные инвариантные черты российского национального характера, особенно, с учетом разного сочетания вышеуказанных фреймов и их полюсов между собой.

Разобщенность, низкая самодисциплина и неспособность к самоорганизации — прямые следствия отвержения всего *чужого*, а также жесткая привязанность трудов и усилий либо к *ближнему кругу*, либо к вынужденному подчинению институтам власти (обычно *государственным*). Для широких горизонтальных контактов и создания структур доверия места не остается.

Правовой нигилизм порождается отождествлением законов и судов с *чужим* (или *своим* для инсайдеров) принуждающим *государством*.

Максимализм и метания от крайности к крайности — это обобщения принятия одного полюса как *своего*, которому отдаются все силы, и отвержения другого полюса как *чужого*, страстно порицаемого или презируемого.

Адаптивность и самостоятельность, изобретательность и восприимчивость к новому являются проявлением легкого превращения *чужих* способов выживания и достижения пользы в *свои*.

Стойкость к лишениям и терпение, душевная теплота, забота о близких — прямое следствие формируемого многими поколениями опыта выживания благодаря взаимной поддержке в *своем — ближнем кругу* и в противостоянии давлению *чужого* принуждающего *государства*.

Высокая референтность Запада и глубинная неуверенность в достоинстве национальных основ рождают маятниковые колебания: от низкопоклонства перед всем чужеземным и отрицания всего отечественного до ксенофобии, шовинизма, ревности и ненависти ко всему нерусскому, до бахвальства и “квасного патриотизма”.

Теперь на той же основе представим объяснение атрибутов “русской власти”, получивших ранее эмпирическое подкрепление [Олейник 2010].

“Русская власть” — сама себе основание и цель

Власть, имеющая обоснование в себе самой, не проистекает из каких-либо внешних источников, например, народного волеизъявления, соответственно, представители власти не считают себя ответственными перед кем-либо, кроме вышестоящего начальства. Здесь действует принцип, согласно которому обладающий властью всегда прав. Приказы и указания вместо обоснования отсылкой к высшим принципам или здравому смыслу просто отдаются и не обсуждаются [там же: 76-77].

Очевидная (и далеко не только российская!) институциональная основа данного атрибута — иерархическая организационная структура авторитарного типа, когда позиции заполняются фактически только назначениями “сверху” (а если есть выборы, то они играют либо третьестепенную, либо вовсе декоративную роль).

Базовыми российскими фреймами здесь являются изоморфные пары “голова (глава) и послушные ей органы (орудия, подчиненные, подразделения)”, “царь и послушные слуги”. Причем для российского чиновника, руководителя подчиненные — это *свои*, и начальство — *свое*. Внутри системы власти бывают раздоры, но это нечто “внутрисемейное”. Население, которое не полностью подчинено, тем более, заявляет о каких-то своих “правах”, тут же переносится в разряд *чужого*. Ключевые символы — “Сильная, Настоящая Власть”, а также “Царь” (Вождь, Президент), обычно персонифицированный, что всегда чревато развитием “культы личности”, популистского вождизма. И Власть и Царь — *свои* для всех служивых, причастных государственным институтам (регулирующим, силовым и распределительным). А такая власть не может иметь своим источником и основанием что-либо *чужое* (например, претензии граждан на права и свободы).

Реальный конкурент для верховной власти — это тот, кто сам способен стать властителем. Первое, что он сделает, придя к власти, — причем в соответствии с общими ожиданиями — бросит все силы на то, чтобы обезопасить и укрепить свое положение, а значит, лишит прежних властителей всяких надежд на реванш. Это формирует перспективу новой жесткой борьбы, возможно, кровавой, ведущей к социальному хаосу. Поэтому для российских правителей и элит главный политический постулат, пусть не всегда осознаваемый, таков: *никаких реальных претендентов на верховную власть, кроме назначенных, быть не должно*. Большинство населения вполне с этим согласно.

Причастность полномочию легко позволяет апеллировать к *высшим идеалам* (символам Родины, Отечества, Державы), противопоставлять их *низкой выгоде* любых групп и лиц, которые способны заботиться лишь о своих частных — “частичных” интересах. Ясно, что правящие группы с такими фреймами никакого внешнего — *чужого* источника своей власти признавать не будут, что бы там ни было написано в Конституции⁶.

Власть как самоцель означает ориентацию ее представителей на постоянное воспроизводство и экспансию власти; решения и действия лиц, персонифицирующих “русскую власть”, направлены, прежде всего, на ее укрепление и воспроизводство; прочие экономические, политические и социальные цели имеют вторичный характер [там же: 77].

Опять же, следует признать, что особой уникальности здесь нет. Подавляющее число государств, церквей, национальных и международных корпораций, несмотря на всю высокопарную риторику о своих “миссиях”, в реальной политике ориентируются, главным образом, на самовоспроизводство, на свой организационный и ресурсный рост, на распространение собственного влияния и т.п.

Специфику “русской власти” можно усмотреть в особом пренебрежении к любым жертвам социального, экономического, гуманистического, экологического, даже территориального характера, которые правители готовы принести ради сохранения и укрепления своей власти. Пожалуй, единственным исключением является военная и полицейская мощь, которой “русская власть” почти никогда не поступается, что вновь указывает на глубинную основу ее суще-

⁶ “Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ” (Конституция Российской Федерации, статья 3., п. 1).

ствования и самосознания ее представителей — это *принуждение и насилие*, способность и готовность именно через них утверждать власть и могущество.

В качестве предпосылок этого легко усматриваются те же фреймы особой значимости *своего* (власти) по сравнению со всем *чужим* и даже со всеми *чужими* (в число которых в России, увы, попадает и “подведомственное население”). Ключевое значение имеет также институциональная структура: отвечать, отчитываться нужно только перед вышестоящим начальством, которое заинтересовано, главным образом, в сохранении полноты власти, и не особенно спрашивает за приносимые для этого жертвы.

Государственное насилие как фактор легитимности власти

Практики прямого применения силы с помощью аппарата принуждения, “правоохранительных” органов в нынешней России — это “маски-шоу” с устрашением сотрудников, изъятием документации, компьютеров; избирательный налоговый прессинг, захват собственности, арест и “засуживание” по липовым обвинениям. В этот арсенал входят также угрозы применения силы и соответствующее принуждение, манипуляции через сознательное искажение информации, доступной подчиненным, так наз. *виртуальная политика* — доминирование через сознательное ограничение вариантов выбора акторов, которые пытаются действовать рационально (что тесно связано с монополизацией экономики, раздачей монопольных ниш привластным бизнес-структурам). Сюда же относится структурное насилие через ограничение доступных подчиненным вариантов выбора навязанными “правилами игры”, символическое насилие как аналог советской “идеологической работы” и своего рода “зомбирование” [там же: 77-78].

Ни одна государственная власть не обходится без насилия, но следует признать, что расширенное применение практик насилия, угроз насилия, принуждения под страхом применения насилия и т.д. — это характеристики диктатур со *слабой символической легитимностью*.

Всегда ли верховная власть в России была столь чуждой народу и нелегитимной, лишенной символической оправданности диктатурой? Определенно нет. Власть у нас уважают, многие даже любят. Верховная власть в России обычно воспринималась символически легитимной и оправданной в глазах народа.

Исключения — редкие случаи полной деградации и дискредитации режима, особо острых кризисов, ведущих либо к переворотам, либо к серьезным реформам, либо к государственному распаду (1606-1613 гг., 1740 г., 1905 г., 1917-1918 гг., 1991 г.). Но после политических катаклизмов “русская власть” вновь возрождалась в новом обличье, вновь оказывалась многими любима и почитаема. Отчего же тогда настолько большое развитие получают в России практики насилия, устрашения и принуждения? По-видимому, ответ следует дать двоякий.

С одной стороны, власть и не-власть (население, народ) в России действительно разделены фреймом *свое-чужое*. Со *своим* народом так не обращаются ни немцы, ни французы, ни поляки, ни американцы (негры, индейцы и “латиносы” совсем недавно стали для них *своими*, и то лишь на уровне внешней политкорректности). Власть и государство в России для аутсайдеров — большинства российских подданных (“простых граждан”) — также *чужие*, от которых держатся подальше, *но при этом почему-то легитимные*.

С другой стороны, многое объясняется живучестью глубинных символов “Сильной Власти” как основы “Порядка”. Насилие же и устрашение как раз и являются наглядными проявлениями “Силы”, поэтому обеспечивают “русской власти” устойчивую *символическую* легитимность.

Культурная основа политико-правового разрыва

Следующий атрибут — *крайняя асимметричность в распределении прав и обязанностей*. По М.Восленскому, обладающие “русской властью” всегда чувствуют себя в водительском сиденье, решают куда ехать, с какой скоростью и нарушать ли при этом правила; остальные чувствуют себя пассажирами, сидящими на заднем сиденье — их благосостояние и безопасность целиком зависит от внешних факторов [Восленский 1991]. Вопрос состоит в том, почему так безропотно с этим мирятся подданные, ущемленные в правах и несущие бремя обязанностей.

Во-первых, сама идея прав, тем более неотъемлемых прав и свобод личности, отнюдь не является “естественной” и “врожденной”, как об этом думали и писали классические европейские либералы XVIII в. Жизненные блага (“добро”, “живот”) в российской православной традиции понимались как “дар Божий”. Отчасти это сходно с западноевропейским представлением о том, что свои права (в том числе право на собственность) человек получает от Бога, но существенная разница обнаруживается в ответах на вопрос, *можно ли этот дар отнять*.

Пожалуй, специальному объяснению подлежит именно идея неотъемлемости “естественных прав” в западноевропейском либерализме, тогда как ментальная лестница “дарования” от Бога к царю, а от царя — к боярам, воеводам, губернаторам, помещикам вполне закономерно воспроизводит и поддерживает лестницу властной иерархии. Если же назначения и поместья подлежат передаче, а земля — переделу, то откуда же взяться *неотъемлемости* хоть собственности, хоть прав?

Поэтому в российской ментальности блага и вольности *даруются*, а могут быть и *отняты*. При чрезмерных лишениях, разочарованиях бывают бунты и мятежи, при дополнительных условиях — даже смуты и революции. Но до самого последнего времени за *права и свободы* боролись в России только принявшие западную либеральную идеологию интеллигенты, а наиболее мужественно — правозащитники, обычно из тех же интеллигентских кругов. Основная же масса населения может требовать дать “положенное”, вернуть “отнятое”, иными словами, — выступает за сохранение *дарованной* раньше ренты, но пока не демонстрирует способности отстаивать именно права и свободы.

Обязанности как нечто симметричное правам также не являются ни “врожденной”, ни “естественной” идеей. Все обязанности в российской традиции покрываются более общей категорией “служения” (“службы”).

Разумеется, внутри иерархии власти бывает некий негласный торг, заключается вертикальный договор [см. Дубовцев, Розов 2007] об условиях службы и вознаграждении за нее, но и здесь это не принятие обязанностей, сопутствующих правам, а *сделка относительно баланса между тяжестью, опасностью, квалифицированностью службы и вознаграждением—рентой*.

Что же касается аутсайдерского населения, то речь уже идет не столько о “службе”, сколько о “тягле”. Несущие “тягло” не имеют в этом вертикаль-

ном контракте никакой “переговорной силы”. В стабильные эпохи их главная стратегия — сохранить накопленное и минимизировать “тягло” (барщину, оброк, подати, налоги). В ответ на творимые “вверху” беззакония можно ворчать, но мысли, тем более готовность действовать, отстаивая принцип равенства прав и ответственности перед законом, возникают лишь у абсолютного меньшинства. Собственно, постоянные обсуждения вопиющего неравенства, пусть даже с осуждением, являются типовыми вторичными ритуалами, в которых как раз и утверждаются фреймы, мировоззренческие установки, фиксирующие вседозволенность власть имущих⁷.

Специфика обратных связей

Следующий атрибут “русской власти” по А.Н.Олейнику — *отсутствие обратных связей*. Конечно же, о полном отсутствии говорить не придется. Имеются формальные и неформальные институты жалоб, доносов, отчетов, статистики, “писем в редакцию”, в последние десятилетия — социологические опросы, а в последние годы — анализ блогосферы.

Нельзя сказать, что обратная связь вовсе не интересует правящие группы. Как и везде, для них важной проблемой является дисциплинирование средних и низших слоев бюрократии, сохранение постоянно ускользающей “управляемости”. Поэтому вышеуказанные каналы обратной связи могут поощряться. С чем никак не могут смириться представители “русской власти”, так это с обратной связью в форме общественного контроля над своими действиями, поскольку он подрывает саму полноту власти, ее самообоснованность и сакральность (см. выше).

В то же время, каналы рассмотрения жалоб постоянно закупориваются, дают сбой, отчеты и статистика наполняются приписками и прямой ложью, доносы начинают служить не контролю, а сведению счетов. В результате, *наиболее действенной обратной связью оказываются общественные волнения, протесты, забастовки, а также аварии*.

В плане общественного блага такая обратная связь крайне затратна, не эффективна, имеет разовый характер. Однако власть имущие каждый раз пытаются продемонстрировать способность к быстрым и решительным действиям, в большинстве случаев — запретительным и репрессивным, а это вновь укрепляет главные атрибуты “русской власти”.

Нет сомнений, что написание и рассмотрение жалоб, доносов, работа “высоких комиссий” по разбору причин аварий или забастовок, последующие санкции — это все эмоционально насыщенные ритуалы. Следовательно, они реализуют и поддерживают определенные фреймы, символы, установки и социальные структуры.

Актуализируются, главным образом, фреймы типа “подданный просит Высокую Инстанцию о защите от притеснений”, либо “Высокая Инстанция раскрывает причины бедствий и сурово наказывает виновных”. При доминировании таких фреймов в менталитете “верхов” и “низов” в институтах и

⁷ Предельно точно формулировал это Ю.А.Левада: “Рассеянное и беспомощное массовое недовольство на деле служит средством нейтрализации и обесценивания протестного потенциала, а в более широком плане — средством оправдания сложившейся системы государственного произвола и общественной беспомощности. Вынужденная апелляция недовольных групп к власти усиливает их зависимость от правящей бюрократии” [Левада 2006].

практиках будут отвергаться альтернативные формы обратной связи (через общественное мнение, переговоры с оппозицией и общественными движениями, через выборы, референдумы и т.д.).

Ритуальная основа живучести “русской власти”

Какие же ритуалы скрепляют все эти разнообразные компоненты в единое целое? Что убеждает как инсайдеров (начальников, служивых, привластных идеологов), так и аутсайдеров (простой люд, интеллигенцию, “не допущенную к столу”) в крепости и незыблемости “русской власти”?

Разумеется, все грозные публичные выступления кремлевского и местного руководства, исподволь соединяющие “заботу о стране и народе” со своей несменяемостью, все ситуации с отдачей приказов, наставлений нижестоящим начальникам, “публичными порками”, широко транслируемые телевидением, имеют ритуальный характер⁸. И судя по “тефлоновым рейтингам” лидеров-символов, эти “срежиссированные” ритуалы весьма внушительны и эффективны для широких масс. Однако ключевой тип ритуалов, поддерживающий и усиливающий феномен “русской власти”, другой. Это не что иное, как *само применение властного насилия*: арест, заключение под стражу, вынесение приговора, изъятие имущества. Именно такие первичные ритуалы порождают наиболее сильные и продолжительные расходящиеся круги вторичных ритуалов — эмоционально насыщенных обсуждений произошедшего.

Ярким примером недавней истории является арест М.Б.Ходорковского в Новосибирском аэропорту “Толмачево” (октябрь 2003 г.), его заключение, суд, “отсидка”, новый процесс (2009-2010 гг.). Заметим, что в обсуждениях этих событий модальность эмоций может широко варьировать от “Поделом, так и надо давить гадов-олигархов!” до “Ужас, что они делают с российским бизнесом и правовой системой!”. В любом случае налицо выигрыш и укрепление “русской власти”: всем было наглядно продемонстрировано, “кто в доме хозяин” и что он способен сделать, причем с каждым⁹.

Также понятно, что для проведения ритуалов устрашения нужен особый, весьма развитый аппарат насилия и принуждения. Гипертрофированное развитие в России силовых институтов (армии, полиции-жандармерии-милиции, разного рода спецслужб) является ответом на эту потребность. Эти институты — есть важнейшее “непреднамеренное следствие” “русской власти” в аспектах рентных претензий и широчайшего распространения практик насилия и принуждения как основы решения любых конфликтов и проблем.

⁸ То же в трактовке Л.Д.Гудкова: “Публичные действия официальных властей имеют в наших условиях глубоко театральный и демонстративный, почти церемониальный смысл инсценировки ‘драмы патерналистского и тотального правления’. Явные (явленные публично через экран ТВ) действия руководства страны не имеют никакого отношения к технологии управления, а соответственно, к вопросам эффективности, целесообразности, политической ответственности и конечной результативности” [Гудков 2009: 27].

⁹ “Власть в России — институт консервации целого, поскольку она базируется не на репрезентации многообразия социальных форм и социальных значений (групповых или корпоративных интересов), а напротив, на дисквалификации любого Другого в сравнении с собой, вытеснения с публичного поля любых альтернативных авторитетов и источников влияния, что, собственно, и представляет собой воплощение насилия, т.е. подчинение всех монопольному авторитету держателей власти” [Гудков 2009: 26].

Обречена ли Россия на циклы усиления/ослабления “русской власти”?

Обратим внимание на преимущества, которые дает динамическая концепция взаимного обусловливания ментальных структур, ритуальных практик и институтов по сравнению с прежними метафорическими, статическими и идеалтипическими представлениями о “русской власти”. Появляется язык для рассуждений, исследований, а в будущем — программ гражданской и политической самоорганизации, относительно условий воспроизводства и преодоления этого феномена.

“Русская власть” сильна тем, что, несмотря на кризисы и даже распады, несмотря на все попытки либерализации, вновь восстанавливается во всей своей авторитарной красе. Сможет ли российская политика вырваться из этой колеи циклов, выйти к новой логике исторического развития? Однозначного ответа нет и быть не может.

С одной стороны, многомерность и инерция внутренних основ “русской власти” и циклической динамики огромны, поскольку включают самовоспроизводящиеся и укрепляющие друг друга ментальные структуры, институты и ритуальные практики. С другой стороны, макросоциологические принципы исторической динамики отвергают фатализм. Продолжается социальная эволюция окружающих обществ, становится более напряженной международная конкуренция, расширяются межкультурные связи, все менее осуществимой становится самоизоляция обществ. Соответственно, сужается пространство для бескризисного развития авторитарных режимов, в том числе и нынешних изводов “русской власти”. Кризисы такого режима будут более частными и острыми.

Динамическая концепция позволяет ставить вопросы относительно условий различного протекания и разрешения этих кризисов, в том числе условий преодоления отчужденного, безответственного и репрессивного характера “русской власти”. Вопрос в том, сумеют ли социальные группы, не приемлющие эти черты режима, обрести новую мировоззренческую платформу (опять же, систему фреймов и символов) для консолидации сил, превзойти критический уровень общественной поддержки и совершить на этой основе — через серию внушительных ритуальных действий и практик — *мирную институциональную революцию*, прорыв к действительной демократии, к новому паттерну социально-политической динамики, к новой логике российской истории¹⁰.

Бессонова О. 2006. *Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформацию*. М.: РОССПЭН.

Восленский М. С. 1991. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза.*— М.: “Советская Россия”, МП “Октябрь”.

¹⁰ “Россия, несмотря на злосчастность своей истории (*however ill-fated by its history*), имела, по крайней мере, некую версию демократии, начиная с 1991 г., поэтому должны быть некоторые устанавливаемые и обобщаемые условия, которые сделали бы возможным процветание российской демократии” [Collins 1999: 111-112]. Общие условия для прорыва к открытой публичной политике: [см. Розов 2008: 74-89]; общие принципы ментальной динамики и разнообразие российских габитусов: [см. Розов 2010а: 7-21]; императивы изменения российского менталитета: [см. Розов 2010б]. Теоретико-исторический анализ российских циклов, определение возможностей и разработка путей “прорыва”, стратегия мирной институциональной революции, обоснование приоритетов и целей внешней политики в аспектах геоэкономики, геополитики и геокультуры даны в новой книге “Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке” [Розов 2011].

- Гофман И. 2004. *Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН, Институт Фонда “Общественное мнение”.
- Гудков Л.Д. 2009. Условия воспроизводства “советского человека”. — *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*. №2 (100). Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2010/04/09/0000336866/vom_2009.2_x28100x29_8-37.pdf.
- Дубовцев В.А., Розов Н.С. 2007. Природа “русской власти”: от метафор — к концепции. — *Полис*, № 3.
- Кирдина С.Г. 2005. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма). — *Постсоветский институционализм. Под ред. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева*. Донецк: Каштан.
- Клямкин И.М. 2007. Постмилитаристское государство. — *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М.: Новое издательство.
- Коллинз Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Кордонский С. 2008. *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт фонда “Общественное мнение”.
- Левада Ю.А. 2006. Человек недовольный? — *Вестник общественного мнения*, № 5. Режим доступа: <http://polit.ru/research/2006/11/20/dishuman.html>.
- Магун В., Руднев М. 2008. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами. — *Вестник общественного мнения*, № 1.
- Олейник А.Н. 2010. Русская власть: конструирование идеального типа. — *Политическая концептология*, № 1.
- Пайпс Р. 1993. *Россия при старом режиме*. М.: Независимая газета.
- Панеях Э. 2010. Разделение властей. — *InLiberty*. 19.03. Режим доступа: <http://www.inliberty.ru/blog/epaneyakh/1935/>.
- Пивоваров Ю.С. 2005. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита. — *Полис*, № 6.
- Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношении*. М.: РОССПЭН.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1999. Русская Власть и Реформы. — *Pro et Contra*, Т. 4, № 4.
- Розов Н.С. 2008. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России. — *Полис*, № 5.
- Розов Н.С. 2010а. Императив изменения национального менталитета. — *Полис*, № 4.
- Розов Н.С. 2010б. *Концепция ментальной динамики и социальные основы разнообразия российских габитусов*. — Режим доступа: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=141.
- Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.
- Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития*. 2008. Новосибирск: Издательство СО РАН.
- Скиннер Б.Ф. 1986. Оперантное поведение. — *История зарубежной психологии. Тексты*. М.
- Яковенко И.Г. 2009. Теоретические основания цивилизационного анализа России. — *В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С.Ахизера (сост. А.П.Давыдов)*. М.: Новый Хронограф.
- Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford: Stanford University Press.
- Collins R. 2004. *Interaction Ritual Chains*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.